

Было немного смешно, что два человека, чей ум и репутация были выше всех, дважды дрались из-за Е Тао, и на этот раз даже попали в больницу. Если бы он сам не был вовлечен, и его слова не звучали бы как насмешка, Е Тао бы спросил: куда делась ваша многолетняя выдержка?

Чжоу Цзыцянь, тщательно осмотрев себя в зеркале, все же решил придерживаться первоначального плана и поехать с Е Тао в чайный ресторан за вещами. Е Тао перерыл весь дом в поисках солнцезащитных очков, купленных три года назад за двести с лишним юаней. Чжоу Цзыцянь не стал привередничать и, надев их, выглядел вполне сносно.

Сяо Чэн, зная, что они отправляются на озеро Диких Уток, предусмотрительно привез даже рыболовные снасти Чжоу Цзыцяня. Изначально планировалось, что Сяо Чэн тоже поедет, но Чжоу Цзыцянь передумал, не взяв даже Баобао.

После обеда они отправились в путь. У Чжоу Цзыцяня были травмы, а у Е Тао не было водительских прав, поэтому водить машину им было нельзя. Однако их будущее жилище находилось вдали от магазинов и супермаркетов, да и соседей там почти не было, так что без машины было бы неудобно. Они снова вызвали водителя.

Дорога была долгой, и к озеру Диких Уток они добрались уже в темноте. Их жилище представляло собой небольшой коттедж, построенный у воды. Это была собственность, приобретенная Чжоу-старшим много лет назад. Старик любил рыбалку, и раньше его часто сопровождал Чжоу Цзыцянь, чтобы отдохнуть и расслабиться. После смерти Чжоу Цзыцяня это место стало редко посещаемым.

Дом долгое время пустовал, и никто за ним не ухаживал. Мебель и столы были покрыты чехлами от пыли, а на полу лежал толстый слой пыли, на котором оставались следы от шагов.

Увидев, как пусто и холодно в доме, Чжоу Цзыцянь почувствовал, что ошибся. Лучше бы он взял с собой Сяо Чэна или попросил кого-то заранее убрать, но он забыл об этом, думая только о том, что следующие несколько дней они проведут здесь вдвоем с Е Тао, без посторонних.

Чжоу Цзыцянь уже начал сомневаться, не стоит ли сменить жилье, как Е Тао снял чехол с дивана и, уставший, сел на него, похлопав по месту рядом, словно подзывая собаку.

Чжоу Цзыцянь только сел, как Е Тао лег, положив голову ему на колени. Почти пять часов в дороге измотали его.

Чжоу Цзыцянь нежно провел пальцами по его лицу, ощущая мягкие ресницы, и в его сердце пробежало теплое щебетание. Он не удержался и наклонился, чтобы поцеловать Е Тао в лоб.

Е Тао приоткрыл глаза:

— Ребра больше не болят?

Чжоу Цзыцянь честно ответил:

— Болят, но я могу терпеть.

Е Тао закрыл глаза:

— Тогда терпи, я немного отдохну, а потом начну убирать.

Чжоу Цзыцянь слегка улыбнулся, даже не замечая, насколько нежной была его улыбка.

Только что он думал о том, не стоит ли поехать в отель или завтра вызвать Сяо Чэна, но теперь он никуда не хотел уезжать.

Е Тао, отдыхая, незаметно уснул, и его уставшее лицо все равно выглядело красиво. Чжоу Цзыцянь почувствовал, что, возможно, сходит с ума, и снова поцеловал это лицо, которое он видел уже больше десяти лет, но вдруг начал так сильно им восхищаться.

Чжоу Цзыцянь позвонил в курортный поселок, заказал ужин и уборку. Когда Е Тао проснулся от приглушенных голосов, две скромные уборщицы только что спустились с второго этажа и тихо спросили, можно ли начать уборку гостиной. Чжоу Цзыцянь все еще сидел в той же позе, как будто не двигался с момента, когда Е Тао заснул.

Е Тао, чутко спавший, проснулся рано от пения птиц за окном. Когда Чжоу Цзыцянь проснулся, рядом никого не было. Он взял халат с конца кровати, оделся и спустился вниз.

Стена вокруг коттеджа была лишь частично огорожена, и по ней вились пышные зеленые плющи, которые из-за отсутствия ухода разрослись буйно. Другая сторона двора выходила к воде, где был построен деревянный мостик. Здесь Чжоу-старший и его старший сын часто рыбачили, проводя целые дни в тишине. Чжоу-старший был молчалив, и Чжоу Цзыцянь тоже не говорил много, но эта тишина была наполнена гармонией, в которую Чжоу Цзыцяню так и не удалось вписаться.

Со стороны казалось, что братья Чжоу были равны, но на самом деле Чжоу Цзыцянь с детства не получал такого внимания, как его старший брат. Отец был строг, но не возлагал на него больших надежд; мать была добра, но только к старшему сыну.

Чжоу Цзыцянь когда-то испытывал растерянность и обиду из-за этого, старался изо всех сил, чтобы родители заметили его, но в итоге ничего не изменилось. До смерти брата отец даже не думал о том, чтобы сделать его преемником, а реакция матери была еще более болезненной: когда брат и его жена погибли в аварии, она в истерике кричала, что это он во всем виноват. Но ему тоже было больно, брат был самым близким человеком, строгим и добрым, даже больше похожим на отца, чем их настоящий отец. Смерть брата ударила по нему не меньше, чем по родителям.

Его дядя как-то сказал, что родители не были к нему близки, потому что мастер фэншуй, которому отец доверял, сказал, что его гороскоп слишком тяжел и приносит несчастья близким. Он не верил в это, даже будучи молодым, считая такие объяснения абсурдными. Но мать действительно чуть не умерла при его рождении, и после этого ее здоровье ухудшилось. Компания, которую отец с таким трудом создал, в год его рождения пережила кризис. Позже брат и его жена погибли, мать умерла от горя, здоровье отца ухудшалось, и даже его любимый племянник покинул его. Казалось, все подтверждало предсказание мастера.

Чжоу Цзыцянь, ступая по скрипящим доскам, подошел к мостику и обнял Е Тао, наблюдающего за птицами, поцеловав его в висок:

— Хорошо, что ты у меня есть.

Е Тао бросил в воду крошки хлеба, привлекая прожорливых птиц. Эти привыкшие к людям водоплавающие не боялись его, и вскоре к ним подплыли две утки с глуповатыми мордочками.

Е Тао, наблюдая, как они борются за еду, обернулся:

— Спустись и поймай одну, сварим утиный суп.

Легкая меланхолия, накопившаяся в сердце, мгновенно рассеялась. Чжоу Цзыцянь рассмеялся:

— Дорогой, ты шутишь? Ты же буддист, как можешь думать о том, чтобы приготовить такое милое существо?

— Если бы я не пошутил, как бы я увидел твою улыбку, похожую на цветок? — спокойный тон Е Тао совсем не походил на шутку, но заставил Чжоу Цзыцяня засмеяться, хотя он и не знал, как реагировать. В конце концов, он снова поцеловал его в лицо, на котором не было ни капли эмоций.

Они, не обращая внимания на отсутствие зрителей, взялись за руки и вернулись в дом, где пахло кофе. Чжоу Цзыцянь, следуя за ароматом, вошел в кухню и обнаружил, что доставленные накануне свежие продукты уже привезли. Кофейные зерна и кофемолка все еще лежали на столе, а в сифоне был свежесваренный кофе, ароматный и соблазнительный.

Чжоу Цзыцянь налил себе чашку, но, прежде чем поднести ее ко рту, ее забрали. Е Тао, не глядя, добавил в черный кофе сахар и молоко, бросив ему:

— Сам подогрей молоко.

Чжоу Цзыцянь машинально прикоснулся к своему желудку, и ему вдруг понравилось это чувство, когда о нем заботятся. Он не только подогрел молоко, но и приготовил завтрак для них обоих, и все это время на его лице была улыбка, прекраснее любого цветка.

Мужчина, которого в подростковом возрасте отправили за границу, хотя и вырос в богатой семье, кроме денег, ни в чем не нуждался. Ему пришлось самому заботиться о себе, и он научился хорошо готовить. Однако после возвращения в Китай у него не было ни времени, ни возможности показать свои навыки, и даже его племянник никогда не пробовал его блюд.

Е Тао, видя, как он с удовольствием готовит, сказал:

— Приготовь и обед, я не привередлив, съем что угодно.

Чжоу Цзыцянь с радостью согласился и начал готовить, используя все свои навыки, чтобы создать изысканный и вкусный обед. Конечно, бесплатных обедов не бывает, и, едва успев убрать посуду, Е Тао расплатился собой.

Все началось с поцелуя, насыщенного ароматом вина, но потом все вышло из-под контроля. Изящные чашки были отодвинуты в сторону, Е Тао лежал на столе, покрытом цветочной скатертью, его легкое дыхание и кожа, окрашенная в розовый цвет, сводили Чжоу Цзыцяня с ума.

Если посмотреть на ситуацию с точки зрения дяди Е, то видеть Дуна-ге и младшего Чжоу, взъерошенных, как петухи, действительно немного неловко. Два демона, практически достигшие совершенства, превратились в «Безмозглого» и «Несчастливого» из-за одного только дяди Е.